

Перемещённое лицо

К 90-летию со дня рождения Владимира Войновича (1932—2018)

Владимир Войнович

Пролог

В течение многих лет в Советском Союзе существовала позорная практика принудительного лишения гражданства тех людей, которые сильно досаждали правящему в нём тоталитарному режиму, но которых по каким-либо причинам было выгоднее из страны выгнать, чем посадить. Или, позволив выехать легально, не пустить обратно. Между 1966-м и 1988 годами гражданства СССР было лишено более сорока человек, многие из которых являлись виднейшими представителями культурной и интеллектуальной элиты — писателями, художниками, спортсменами и музыкантами. Удостоены все они были такого подлого наказания только по одной причине: сочиняли не то, чего режим от них ожидал; рисовали не так, как им было велено; исполняли не ту музыку, которую режим считал правильной, и так далее. А главное — имели наглость вести себя не как обезличенные винтики, являющиеся деталями огромной государственной машины, не позволяющей никому из своих подданных иметь мнения, отличного от начальственного, а так, как ведут себя подлинно свободные личности.

Больше всего среди этих «лишенцев» было литераторов. Что вполне естественно. Поскольку люди, умеющие выбирать для описания окружающей их действительности правильные слова и располагать их в правильном порядке, представляют серьёзную угрозу для любой диктатуры — вне зависимости от цвета её знамён и декларируемых её главарями лозунгов. Ибо любая диктатура держится не столько на армейских штыках и дубинках полицейских карателей, сколько на лжи и пропаганде, чьё прямое назначение — дурить её подданным головы, создавая в них искажённую картину мира. Соответственно, правдивое слово является для диктаторского режима смертельной угрозой. Бороться же с ним такой режим просто не в состоянии иначе как посредством уничтожения того, кто это слово пишет и произносит.

Во времена сталинской террористической диктатуры режим так и поступал — все желающие могут ознакомиться с мартирологом из уничтоженных в годы Большого террора советских писателей и журналистов, подавляющее большинство из которых даже и не думало открыто ей, диктатуре, противостоять. Впоследствии, по мере смягчения репрессивной сущности диктатуры, казнить писателей перестали, но сажать продолжали — достаточно вспомнить «дело Синявского и Даниэля» 1966 года или «дело Бородина» 1983-го. Тем не менее в брежневско-андроповские времена изрядно одряхлевший советский режим уже не был таким жестоким, как в сталинские. И, как следствие этой «либерализации», на смену арестам и расстрелам пришла такая «гуманная» форма наказания, как лишение недовольных интеллектуалов родины. То есть на вооружение была взята фраза, в запале произнесённая ещё в 1962 году советским правителем Никитой Хрущёвым, когда он бесновался в московском Манеже на выставке картин художников-авангардистов, обзывая их «мазильщиками» и «пидарасами» и угрожая выгнать из страны на «растленный» Запад: «До границы доведём за казённый счёт — а дальше сами!»

Идея Никиты Сергеевича была успешно реализована уже после того как он был сначала свергнут в результате дворцового переворота в Кремле в 1964 году, а затем упокоился на Новодевичьем кладбище. Причём художники-«мазильщики» в массе уезжали сами, по-тихому, без скандалов, воспользовавшись начавшейся в Советском Союзе в 1971 году еврейской эмиграцией, а вот с писателями режиму пришлось повозиться. Писатели вообще люди крайне неудобные — и по любому вопросу своё мнение имеют, и за словом для выражения этого мнения в карман, как правило, не лезут.

Именно к таким писателям принадлежал Владимир Войнович.

Антисоветский сатирик

Каждому, кто удосужился прочесть хотя бы одно сочинение зрелого Владимира Войновича, известно, в каком литературном жанре работал этот писатель. Для тех же, кто Войновича не читал (не знаю, существуют ли такие среди моих

читателей, но допускаю, что, быть может, и существуют), считаю необходимым этот факт подчеркнуть: писатель Войнович был сатириком. Именно это обстоятельство сыграло в его и персональной человеческой, и творческой судьбе ключевую роль.

Как известно, писатель-сатирик от всех прочих писателей отличается в первую очередь тем, что обращает внимание прежде всего на всевозможные несуразности и идиотизмы, окружающие его на бытовом уровне, и их описывает. А поскольку повседневная жизнь советского гражданина состояла в основном из одних несуразностей и идиотизмов, почва для творчества у Войновича была богатейшая — знай успевай её вспахивать остро заточенным карандашом.

Соответственно, начав сочинять в сатирическом жанре (к которому он вынужденно обратился после того как провалились его попытки утвердиться в советской литературе в качестве критического реалиста), Войнович очень быстро вступил в острый конфликт с тоталитарным режимом. Сначала — с начальством Союза писателей СССР, затем — с более серьёзными организациями, такими как Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР и Политбюро ЦК КПСС. То есть персонально с Брежневым, Андроповым и всей этой компанией, которая отчего-то была абсолютно уверена в том, что только она одна может решать, что кому на подконтрольной ей территории можно читать, смотреть и слушать. Войнович же считал, что подобная уверенность является не чем иным как вздорным и опасным заблуждением, и начисто опровергал её своей писательской деятельностью. Главным аргументом в которой был писавшийся им с 1963 года сатирический роман-анекдот под названием «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина».

Роман этот не имел ни малейших шансов на публикацию в Советском Союзе хотя бы по той причине, что представлял собой сплошное издевательство над тем, что кремлёвские правители рассматривали как основы незыблемости своего режима — от колхозного крепостничества в деревне до казарменного крепостничества в Советской армии. Как следствие, первая часть «Чонкина», после отказа принять её к публикации, полученного Войновичем от Александра Твардовского, главного редактора журнала «Новый мир», была вывезена из СССР на Запад и в 1969 году опубликована в энтээсовском журнале «Грани» — со всеми вытекающими из данного факта последствиями. Важнейшим из которых стало превращение Владимира Войновича в «диссидента поневоле» — как он сам впоследствии с неизменной иронией называл этот приобретённый им парадоксально выглядящий статус.

Исключение и отравление

Превратившись в диссидента, Владимир Войнович очень быстро на собственной шкуре ощутил — что означает этот термин применительно к человеку, являющемуся гражданином Советского Союза.

Владимир Войнович с женой Ириной Брауде

Чего только тоталитарный режим не пытался с ним сделать! Неправильному сатирику и выносили выговоры по союзписательской линии, и делали по ней же предупреждения и последние предупреждения, а когда всё это не подействовало, из Союза писателей исключили, надеясь, что Войнович окажется без средств к существованию и будет вынужден переквалифицироваться если не в дворники, то хотя бы в лифтёры. Но хитрый Войнович такой радости своим гонителям не доставил. Опубликовав свой роман-анекдот про жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина на Западе — как на языке оригинала, так и в переводах на английский, немецкий, шведский и разные иные языки, — он стал неплохо зарабатывать, при этом никаких налогов с иностранных гонораров кремлёвским, разумеется, не платил и мог позволить себе жить так, что у иных писателей-«деревенщиков», на него глядячи, от зависти и бессильной ярости сводило скулы. У них постоянно не хватало на водку, а он носил заграничную дублёнку и разъезжал по Москве на собственных «Жигулях».

Тогда на Лубянке не придумали ничего более оригинального, как Войновича отравить. И 11 мая 1975 года отравили, угостив начинёнными какой-то психотропной дрянью типа ЛСД сигаретами. Вероятно, полагали, что у него или с головой начнутся проблемы, или он в изменённом состоянии сознания под машину попадёт, переходя улицу не там, где положено, а там, где ему в силу потери

ориентации в пространстве вздумается. Но снова просчитались. Ущерб писательскому здоровью им действительно нанести удалось, но он оказался не таким тяжким, как они на то рассчитывали. Войнович же, придав эту криминальную историю максимально возможной гласности, повёл себя так, что в случае, если бы он и в самом деле ненароком угодил под сошедший с рельсов трамвай или под стрелу башенного крана, весь цивилизованный мир мгновенно догадался бы о том, кто именно за рулём этого сбрендившего трамвая сидел и кто именно рычагами этого крана двигал.

Владимир Войнович расценил попытку своего убийства как террористический акт, осуществлённый функционерами преступного режима. И понял, что с этого момента он находится с режимом в состоянии войны, выйти из которой победителем у него вряд ли получится. Но и позволить режиму одержать над собой верх он не собирался. Много лет спустя, вспоминая те весьма непростые для себя годы, Войнович писал:

«Я всегда думал и говорил, что борьба с диссидентами приносила советскому строю больше вреда, чем их существование. Парадокс в том, что, если государство объявляет кого-то своим врагом, он действительно становится врагом этого государства. Я изначально не любил советскую власть, но моя нелюбовь никак ей не вредила. Но, объявленный врагом, я в самом деле стал им».

Террор и отпор

По лубянским понятиям, пойдя на открытую конфронтацию, их новый «клиент» стал вести себя не только дерзко, но вызывающе, и не просто вызывающе, но — нагло, причём до крайности. Гэбисты, имея уже огромный опыт общения с диссидентами, привыкли к тому, что те сплошь являются или явными «ботаниками», органически не способными на оказание силового сопротивления, или считают, что бороться с диктатурой, используя её же методы, бесполезно, поскольку в условиях тоталитаризма такое поведение заведомо обречено на поражение. Войнович же, будучи человеком по натуре совершенно не агрессивным, в то же время не являлся приверженцем теории «непротivления злу насилием» и так не считал. Более того — был уверен, что с насилием можно бороться только силой, и действовать надо всегда стараться на опережение, нанося удар, во-первых, для врага неожиданно, а во-вторых, в том месте, где противник этого менее всего склонен ожидать. Не испытывая ни малейших иллюзий насчёт методов, исповедуемых организацией, с которой он вступил в противостояние, Войнович изначально выработал линию поведения, которой затем придерживался всё время, пока продолжалась эта конфронтация. Суть её была сформулирована им следующим образом:

«Тогда у диссидентов было правило, что, если на них нападают, они, подозревая, что это провокация с целью их самих обвинить в хулиганстве, демонстративно поднимают руки и не оказывают сопротивления. Я занял другую позицию.

Я решил, что буду по возможности избегать острых ситуаций, но в случае нападения руки вверх поднимать не стану. Пусть нападающих будет сто, но хотя бы одного из них я, если смогу, ударю, а если не смогу, то укушу. Ну а если не получится и укусить — то хотя бы плюну в чью-нибудь рожу».

К этим словам Войновича не следует относиться как к пустопорожнему бахвальству, то есть к стремлению писателя представить себя читательской аудитории в ореоле героического борца с преступной властью. Героическим борцом писатель Войнович не был. Однако отдельные поступки, которые вполне вписываются в данную квалификацию, ему совершать всё же приводилось.

Например, такой.

Как-то раз, совершенно осатанев от слезки, продолжавшейся на протяжении нескольких лет в режиме 24/7, то есть круглосуточно семь дней в неделю, Войнович вышел из квартиры, спустился во двор и подошёл к припаркованной возле его парадного гэбистской машине. В ней, по обыкновению, сидели четыре «комитетских» хмыря с незапоминающейся внешностью, однако все в одинаковых шапках. Дело было зимой. Войнович вспоминал:

«Ко мне должны были прийти гости. А эти поставили машину прямо перед подъездом, чтобы своим видом терроризировать проходящих. Закрыв все окна, сидят внутри вчетвером при работающем двигателе, греются. Я постучал им в окно. Они, как водится, долго не слышали. Наконец водитель опустил стекло. Я ему сказал:

— Я вот сейчас поднимусь к себе и вернусь с молотком. Если вы за это время не уберётесь, перебью вам все стёкла.

Поднялся наверх, глянул с балкона — машины уже не было».

Мне много раз хотелось задать Владимиру Войновичу вопрос — что бы он стал делать, если бы, выйдя в тот вечер на балкон, увидел, что топтуны не испугались его угрозы и их машина по-прежнему стоит там, где она и стояла? Неужто и в самом деле взял бы молоток и пошёл во двор? Не спросил. Теперь жалею. Но точно знаю одно: я бы на его месте никуда выходить не стал — ни с молотком, ни без него.

История с несостоявшимся битьём машинных стёкол имела место в середине 1970-х годов. К концу того же десятилетия обстановка вокруг автора «Чонкина» накалилась до предела. Гэбисты просто шага не давали ему ступить без своего сопровождения — в самом прямом, буквальном смысле этого выражения. Куда бы Войнович ни пошёл или не поехал — без разницы, по каким делам, хотя бы в булочную за хлебом или на рынок за помидорами, — за ним тут же увязывались одна-две машины, набитые топтунами. Которых он за долгие годы такого навязчивого эскорта научился безошибочно вычислять не только внутри машин, но и на улицах, и когда они шпионили за ним внутри закрытых помещений — хотя бы в тех же магазинах. Слежка была открытая, наглая, вызывающая — явно в расчёте на то, что «клиент» не выдержит этого психологического террора и у него сдадут нервы. Войнович вспоминал:

«В какой-то момент они меня совершенно допекли. Несколько дней я записывал номера ездивших за мной автомобилей, после чего написал письмо Андропову (разумеется, открытое и переданное иностранным корреспондентам) с перечислением всех номеров.

Утром следующего дня я вышел во двор к своей машине и увидел, что все четыре шины спущены. Я позвал из соседнего гаража механика, он снял резину, пошёл чинить. Когда я с ним расплачивался, он сказал:

— Владимир Николаевич, а враги-то у вас непростые.

— А какие же? — спросил я.

— Ну, не простые, — повторил он. — Шины-то у вас не проколоты, а прострелены».

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы не понять того, что демонстративно простреленные шины — есть не что иное, как «последнее китайское предупреждение». То есть — лубянское. За которым могло последовать всё, что угодно — включая повторение «казуса Богатырёва», хотя повторение этого преступления, несомненно, вызвало бы скандал на весь мир, последствия которого в Кремле вряд ли могли недооценивать (*Константин Богатырёв (1925–1976) — советский поэт-переводчик. Умер от травм, полученных при нападении на него в подъезде собственного дома. Преступление осталось нераскрытым. Диссидентская молва приписала убийство Богатырёва КГБ. — П. М.*). Наиболее вероятными были всё же арест и осуждение по обвинению в проведении «антисоветской агитации и пропаганды». Материалов «антисоветского сатирика» в здании на площади Дзержинского к тому времени набралось уже столько, что состряпать обвинительное заключение можно было одной левой, на коленке и по диагонали. И Войнович прекрасно это понимал.

Спиритический сеанс

В последний день уходящего 1979 года семейство Войновичей — Владимир Николаевич, его жена Ирина и их шестилетняя дочь Ольга — отправилось в гости. Путь лежал в подмосковную деревню Вертошино, где в собственном доме, некогда выстроенным другом Войновича — писателем Борисом Балтером, к тому времени уже более пяти лет как покойным, проживали его вдова и дочь.

Помимо Войновичей в гости к Балтерам на встречу Нового года пожаловали и разные иные друзья и приятели, в числе коих оказалась поэтесса Тамара Жирмунская.

После того как Новый год уверенно наступил (то есть на экране телевизора неизбежного генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева сменили артисты из столь же неизбежной развлекательной программы «Голубой огонёк», все положенные тосты были произнесены, а все присутствующие в компании дети отправлены в постель), оставшиеся за столом взрослые решили поразвлечься, устроив сеанс

спиритизма. Во время которого дух поэтессы Марины Цветаевой, вызванный из мест его пребывания поэтессой Тamarой Жирмунской, уверенно предсказал писателю Владимиру Войновичу дальнюю дорогу. А на заданный ему уточняющий вопрос — куда именно? — ответил словами Генриха Гейне: «Der dumme Fuss will mich gern nach Deutschland tragen». Что в вольном переводе с немецкого означает: «Глупая нога хочет привести меня в Германию».

Как вспоминал Войнович много лет спустя, этот ответ вызвал среди участников спиритического сеанса большое весёлое оживление. Как водится в подобных случаях, одни посчитали его не более чем шуткой каких-то мелких бесов, резвящихся в новогоднюю ночь и дурачащих наивным людям головы, другие же восприняли переданную из иного измерения информацию вполне серьёзно. Что касается самого Войновича, то он, будучи в те времена ещё натуральным стихийным агностиком, то есть человеком, не желавшим признавать существование Бога по причине того, что Его нельзя увидеть своими глазами и потрогать своими руками, вскорости о полученной из загробного мира информации забыл, поскольку она представлялась ему совершенно нереалистичной. Однако, как показали события, развернувшиеся в самом недалёком будущем, он глубоко на сей счёт заблуждался.

Ультиматум...

Двадцать четвёртое февраля в 1980 году выпало на воскресенье. Воскресенье оказалось непростым — то есть не простым выходным днём, каковым бывает всякое воскресенье, а всенародным праздником. Поскольку именно на это число правящий в Советском Союзе тоталитарный режим назначил очередную, проводящуюся регулярно раз в пять лет комедию под названием «День всенародных выборов в Верховный Совет СССР».

Владимир Войнович ни на какие советские «выборы» давно уже не ходил, поскольку не считал нужным принимать участие в подобной клоунаде. Вместо этого он намеревался посвятить весь день общению с родственниками и друзьями, а если останется время, то хотя бы немного поработать над третьим томом эпопеи про жизнь и необычайные приключения своего самого главного и любимого литературного героя — лопухого и кривоногого солдата Ивана Чонкина.

Однако поработать не пришлось. Поскольку как только разошлись нагрянувшие с самого утра родственники и пришедшие позднее друзья, в дверь писательской квартиры снова позвонили. Чертыхаясь от раздражения, Войнович пошёл в прихожую, чтобы выяснить, кого ещё принесла нелёгкая. Он подозревал, что это явились настырные «агитаторы» — напомнить ему о том, что работа избирательного участка близится к концу, а обитатель квартиры № 66 отчего-то до сих пор не исполнил свой «гражданский долг», — и думал о том, какими словами послать этих «агитаторов» по хорошо им известному адресу. Но он и подумать не мог о том, что за дверь в этот момент стоит посыльный его Судьбы. Той, что пишется с прописной.

Открыв дверь, Войнович увидел на пороге неизвестного ему мужчину, внешность которого позволяла предположить, что никаким «агитатором» он не является. Напротив — что является он работником того самого учреждения, которое не спускало своих глаз с опального писателя вот уже шесть лет. И все эти годы морально его терроризировало, преследуя и простреливая шины на колёсах.

Получив разрешение войти в квартиру, неизвестный, назвавшись Богдановым, сотрудником райкома КПСС, произнёс следующую краткую, но весьма многозначительную речь:

— Владимир Николаевич, я уполномочен вам передать, что терпение советской власти и народа в отношении вас полностью исчерпано.

А когда Войнович, мгновенно понявший, что это — именно оно, то есть официальное предъявление ультиматума, попытался пошутить, сказав в ответ, что народ он ничем не обижал, так что у того никаких к нему, писателю Войновичу, претензий быть вроде бы не должно, — назвавшийся Богдановым гэбист отрезал:

— Вы можете говорить всё, что угодно, это не меняет дела. Имейте в виду: если вы не сделаете из моих слов правильного вывода, ваша дальнейшая жизнь станет невыносимой. Я передал вам то, что мне было поручено передать.

Поняв, что уклониться от ответа не получится, Войнович сказал:

— В таком случае передайте тем, кто вас послал, что моё терпение тоже кончилось. А жизнь моя уже давно стала невыносимой. Так что я готов покинуть Советский Союз, если вопрос стоит именно об этом.

Назвавшийся Богдановым пообещал, что передаст. На том аудиенция и завершилась.

...и его последствия

О том, что последовало вслед за предъявлением ультиматума, Владимир Войнович вспоминал:

«На другое утро после посещения меня парламентёром Богдановым я собрал у себя дома иностранных корреспондентов, объявил им об ультиматуме и о том, что я его принимаю. Многочисленные сообщения об этом немедленно появились в иностранных газетах, и вскоре на меня посыпались приглашения из разных стран, от издателей, университетов и частных лиц. Из Германии, Франции, Англии. Только из Америки пришло больше тридцати приглашений для чтения одной лекции или курса лекций. Университет штата Висконсин в городе Милуоки приглашал меня на год на должность писателя при университете (writer-in-residence). Глава напечатавшего “Чонкина” издательства “Farrar, Srtaus & Giroux” Роджер Страус предлагал мне с женой и дочерью быть гостем издательства и обещал, что все мои дорожные расходы по пребыванию в США будут полностью оплачены».

В общем, от количества поступивших приглашений просто зарябило в писательских глазах. Войновичи стали решать, какому из них отдать предпочте-

Борис Мессерер, Василий Аксенов, Белла Ахмадулина, Владимир Войнович

ние. И тут возникли разногласия. Владимир Николаевич считал, что ехать надо в Соединённые Штаты, где и возможностей для писательских заработков гораздо больше, чем в странах Западной Европы, да и английским языком он хоть и очень слабо, но всё же владеет, так что и объясниться с аборигенами сможет. Ирина же Войнович, урождённая Брауде, отправляться за океан не хотела категорически — попасть в Америку представлялось ей сродни тому, чтобы оказаться на Луне, — и считала, что надо выбрать что-нибудь поближе к Москве. Этим «чем-нибудь» из имеющегося выбора был только Мюнхен — столица западногерманской федеральной земли Бавария. Поскольку находившаяся в этом городе Баварская Академия изящных искусств не только приняла опального советского писателя в свои члены, но и пригласила его к себе в гости — для чтения лекций студентам, также гарантировав полное содержание по крайней мере в течение первого года. Поняв, что спорить с женой бессмысленно, Войнович согласился: «В Германию, так в Германию».

Далее последовал довольно длительный период переговоров Владимира Войновича с советскими властями, насыщенный различными событиями, в том числе и довольно драматическими. Который завершился тем, что 21 декабря 1980 года он сам, его жена и дочь оказались на борту самолёта, вылетающего из московского аэропорта Шереметьево в Мюнхен.

Поднимаясь по самолётному трапу, автор «Чонкина» ни на мгновение не сомневался в том, что когда-нибудь настанет день, когда он будет по точно такому же трапу спускаться — здесь, в этом же самом аэропорту.

Деревня Палкино и её окрестности

Первые дни после того как в канун католического Рождества 1980 года Владимир Войнович, его жена и дочь оказались в Мюнхене, они прожили в отеле «Сплендид», после чего, благодаря любезности и гостеприимству своих новых немецких друзей, поселились в ближнем пригороде баварской столицы — небольшим посёлке под названием Штокдорф. Каковой Войнович тут же стал именовать на русский лад — сначала деревней Палкино (*Stock — по-немецки «палка», dorf — «деревня».* — П. М.), а затем, по мере вживания в размеренную жизнь баварских бюргеров, — Перепалкино. Что естественным образом вызывало у любого русскоговорящего человека, имеющего хотя бы поверхностное отношение к литературе, ассоциацию с подмосковным писательским посёлком Переделкино. Оказавшись в Штокдорфе, Войновичи арендовали у постоянно там проживающей немецкой семьи половину дома, где и провели следующие примерно десять лет (правда, с двумя длительными перерывами, по году каждый, когда глава семейства жил и работал в США).

Годы, проведённые Владимиром Войновичем на Западе, были наполнены множеством событий, в основном связанных с его поездками по всему миру, во время которых автор «Чонкина» зарабатывал деньги — платными лекциями в различных организациях, чьи сотрудники интересовались его мнением по тем или иным вопросам. Также регулярно устраивались его встречи с читателями и просто любопытствующими, которым не жалко было потратить пару долларов или пяток дойчмарок для того, чтобы своё любопытство удовлетворить.

В частности, уже весной 1981 года, в апреле-мае, Войнович совершил первое турне по Соединённым Штатам, во время которого посетил все крупнейшие города на обоих побережьях и самые престижные американские университеты.

Нашлось время в его насыщенном графике и для посещения городка Анн-Арбор в штате Мичиган, где проживали супруги-слависты Карл и Эллендея Профферы, создатели и руководители издательства «Ardis Publishing». Уникальное профферовское издательство, возникшее в 1971 году, занималось выпуском книг как несправедливо замалчиваемых в СССР виднейших представителей российской литературы досоветской эпохи, так и советских литераторов, подвергавшихся третированию или замалчиванию у себя на родине — Льва Копелева, Андрея Битова, Василия Аксёнова, Фазиля Искандера. Нашлось в ардисовском каталоге место и для Владимира Войновича — в марте 1976 года, то есть ещё когда он, пребывая в статусе диссидента, проживал в Москве, Профферы выпустили его первую в своём издательстве книгу — документально-сатирическую повесть «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру». О пребывании в гостях в огромном профферовском особняке на улице Хитервэй в Анн-Арборе у Войновича впечатления остались, судя по всему, самые приятные:

«В Детройте нас встретил на “Кадиллаке” хозяин издательства “Ардис” Карл Проффер, высокий стройный красавец <...>. Несколько дней мы провели в го-

роде Анн-Арбор, в большом доме Карла и его жены Эллендеи, очень красивой женщины. В главной гостиной у них стоял телевизор с большим выносным экраном. На этом экране, как мне сказал, ничуть не смущаясь, Карл, он с Эллендеей любят смотреть порнофильмы. Мы прожили у Профферов несколько дней».

К сожалению, никаких подробностей о прожитых в профферовском доме днях Войнович в своих мемуарах не сообщил. Так что вопрос о том, смотрели ли и он со своей женой порнофильмы в компании хозяев дома, принадлежит к разряду не имеющих доказательно обоснованного ответа.

Лишение гражданства

Социально-литературная активность, проявленная Владимиром Войновичем во время поездки в США, не осталась без внимания учреждения, в котором он вот уже больше десяти лет фигурировал как «объект оперативной разработки» под кличкой Гранин.

В начале июня 1981 года в Кремль с Лубянки отправилась докладная записка за подписью председателя КГБ СССР Юрия Андропова № 1488-А, озаглавленная «О лишении гражданства Войновича В. Н.». В записке, в частности, говорилось:

«В декабре 1980 г. Войнович с женой и малолетней дочерью по приглашению Баварской академии искусств выехал в ФРГ сроком на один год.

По прибытии в ФРГ он установил контакты с представителями антисоветских центров, что послужило очередным поводом для муссирования всяческих клеветнических измышлений о нашей стране.

В течение непродолжительного времени Войнович дал ряд интервью политически вредной направленности, свидетельствующих об окончательной утрате им чувства советского гражданина.

С учётом изложенного представляется целесообразным лишить Войновича В. Н. советского гражданства».

Проекты соответствующих документов — решения Политбюро ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР к андроповской докладной прилагались.

Предложение главы тайной политической полиции не осталось без внимания. 16 июня 1981 года средства советской пропаганды, предназначенные для внешнего употребления, распространили следующее сообщение:

«Москва. Кремль.

Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о лишении советского гражданства Войновича Владимира Николаевича, 1932 года рождения, уроженца города Душанбе, временно проживающего в ФРГ. Войнович лишён гражданства СССР за систематическую враждебную деятельность и поведение, наносящее ущерб престижу Советского Союза».

Новоявленный «лишенец» узнал об этом в тот же день — после того, как ему позвонил его приятель, сотрудник радиостанции «Свобода» Марио Корти и сообщил о том, что Брежнев лишил его гражданства.

Советские писатели, оказавшиеся в эмиграции и успевшие удостоиться этой сомнительной чести ранее Войновича, реагировали на факт лишения себя гражданства страны победившего здравый смысл социализма по-разному. Виктор Некрасов, ставший лицом без подданства в апреле 1979 года, признался, что, прочитав об этом в газетной заметке, не ощутил никаких сильных эмоций — ни гнева, ни возмущения, ни огорчения — вообще ничего. Василий Аксёнов, лишённый гражданства СССР в ноябре 1980 года, прокомментировал этот факт в интервью газете «Нью-Йорк таймс» одной фразой: «Да и чёрт-то с ним!» Владимир Войнович на полученное известие отреагировал гораздо эмоциональнее:

«Я, конечно, знал, что рано или поздно это произойдёт. Больше того, думал, что если они меня гражданства не лишат, это будет выглядеть подозрительно. В любом случае не собирался очень сильно по этому поводу переживать. В чём бы меня ни обвиняли, как бы ни оскорбляли, я никогда это близко к сердцу не принимал. <...> А тут почувствовал такую невероятную обиду, что первый раз захотелось заплакать».

Но плакать Войнович не стал. Вместо этого он сел за стол и написал Открытое письмо Брежневу, в котором заявил:

«Господин Брежнев!

Вы мою деятельность оценили незаслуженно высоко. Я не подрывал престиж советского государства. У советского государства благодаря усилиям его руководителей и Вашему личному вкладу никакого престижа нет. Поэтому по справедливости Вам следовало бы лишить гражданства себя самого.

Я Вашего указа не признаю и считаю его не более чем филькиной грамотой. Юридически он противозаконен, а фактически я как был русским писателем и гражданином, так им и останусь до самой смерти и даже после неё.

Будучи умеренным оптимистом, я не сомневаюсь, что в недалгом времени все Ваши указы, лишаяющие нашу бедную родину её культурного достояния, будут отменены. Моего оптимизма, однако, недостаточно для веры в столь же скорую ликвидацию бумажного дефицита. И моим читателям придётся сдавать в макулатуру по двадцать килограммов Ваших сочинений, чтобы получить талон на одну книгу о солдате Чонкине».

Тон разосланного Войновичем по редакциям западных газет и журналов, а также и «радиоголосов» письма смутил начальство некоторых из них. Писателю позвонили с «Голоса Америки» и принялись канючить — быть может, можно как-то смягчить, а то знаете, уважаемый Владимир Николаевич, это как-то не того, всё-таки сам Брежнев, а не конь в пальто... «Незачем! — отрезал классик антисоветского антисоциалистического реализма. — Передавайте как есть. И — передавали, куда ж им деться.

Много лет спустя, обращаясь памятью к этому важному эпизоду из своей весьма богатой различными событиями биографии, Войнович вспоминал:

«В том письме я не просто издевался над Брежневым, а выразил свою серьёзную уверенность в том, что Брежнев, Андропов и всё руководство ЦК КПСС подрывают престиж и сами устои советского государства и что книги Брежнева превратятся в макулатуру. Кстати, это произошло гораздо быстрее, чем можно было ожидать. Брежнев умер в ноябре 1982 года, а уже меньше чем через год на Франкфуртской книжной ярмарке в советском павильоне не было ни одной книги Брежнева, зато хорошо было представлено литературное творчество Андропова. В следующем году писателя Андропова сменил писатель Черненко, а ещё через год и этот канул в Лету».

Что касается Франкфуртской книжной ярмарки 1983 года, помянутой Войновичем, то там с ним действительно приключилась весьма забавная история. Вернее — не с ним, а с его участием. Вспоминая об этом с неизменной ухмылкой, автор «Чонкина» рассказывал:

«Я посетил советскую секцию, которая оказалась более убогой, чем могла быть. Была на ней пара книг Андропова. Несколько человек представляли эту экспозицию. Я спросил их: “Товарищи, а вот был такой писатель, лауреат Ленинской премии Брежнев. Почему здесь нет его книг?” Пока я произносил эту фразу, все разбежались».

Вне всякого сомнения, в отчётах, которые разбежавшиеся обязаны были настрочить после возвращения в Москву, наверняка было упомянуто о том, что такого-то числа октября месяца 1983 года, когда они представляли издательскую продукцию Советского Союза на международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне, против советского павильона была предпринята наглая анти-советская провокация. Которую они, само собой, сразу же мужественно отразили, отстояв тем самым престиж СССР в глазах несознательной общественности капиталистического лагеря. Ну или как-то вроде того, но иными словами.

Происки немецкой бюрократии

После того как советский загранпаспорт Владимира Войновича превратился в лишённую какой-либо ценности картонную книжечку, перед его владельцем со всей отчётливостью встал вопрос: как жить дальше?

Выбор был ограничен всего одним вариантом — обращаться к правительству страны пребывания с просьбой о предоставлении политического убежища. Что новоявленный «лишениец» незамедлительно и сделал.

Однако, когда Войнович в сопровождении своего адвоката и по совместительству переводчика приехал в соответствующее немецкое учреждение с целью подачи прошения, служащие этой конторы отнеслись к нему, мягко говоря, безо всякого радушия. Вероятно, немецких бюрократов настрожила фамилия хода-

тая, имеющая явное сербское происхождение, и они заподозрили его в том, что он, являясь каким-то югославским прохиндеем, прикидывается русским — с тем, чтобы постараться получить право проживания в Западной Германии, что называется, без очереди.

Дело было в том, что граждане Югославии, пользуясь отсутствием в своём государстве привычного обитателям всех прочих коммунистических восточно-европейских стран «железного занавеса», в те годы буквально потоком валили из Белграда, Любляны и Загреба в Гамбург, Кёльн, Мюнхен и во все прочие западногерманские крупные города, норовя любой ценой получить разрешение на проживание и работу в ФРГ. Точно так же поступали и турки. Посему правительство, крайне раздражённое этим югославско-турецким нашествием, делало всё возможное для того, чтобы установить на пути экономических мигрантов максимально труднопроходимые заграждения, поскольку, как совершенно справедливо считали в Бонне, немецкое экономическое благоденствие для иностранцев не предназначается.

Столкнувшись с чиновничьей чёрствостью на грани хамства, Войнович обозлился и, в качестве доказательства того, что он — это действительно он, сунул допрашивавшему его бюрократу немецкую газету, в которой была опубликована статья о лишении его гражданства СССР. На что тот, и не взглянув на статью, пренебрежительно отмахнулся со словами: «Ну, знаете, в газетах много чего пишут...» Это настолько вывело Войновича из себя, что он заявил чиновнику, что больше ни на один его вопрос отвечать не станет, и потребовал встречи с тем или с теми, кто действительно в состоянии разобраться в его деле. А такое требование просителя уже по немецким понятиям о делопроизводстве выглядело как явное хамство. Ситуация стремительно накалялась. Побелев от ужаса, адвокат Войновича, обращаясь к клиенту, шептал: «Что вы делаете... что вы делаете...»

И тут, как и всегда в подобных случаях в нормальных странах происходит, в кабинете, где начинался форменный скандал, словно бы из ничего материализовался некий господин с незапоминающейся наружностью, не оставляющей, однако, для проницательного писательского взгляда никаких сомнений о роде его профессиональных занятий. После чего конфликтная ситуация мгновенно была погашена и вопрос о политическом убежище был решён — сразу и навсегда.

Рассказывая эту навсегда запавшую ему в память историю, Владимир Войнович завершал её загадочной фразой: «Вот что значит буржуазная контрразведка — там служащие даром хлеб не едят».

Непыльная работёнка

В 1983 году, после возвращения в Штокдорф из первого длительного пребывания в Соединённых Штатах Америки, Владимир Войнович начал сотрудничать с Русской службой американской радиостанции «Свобода», чья штаб-квартира в ту пору находилась неподалёку — в Мюнхене, в районе Инглише Гартен, то

есть Английский Парк. Сотрудничество состояло в том, что Войнович сначала писал, а затем записывал на плёнку радиоэссе, именовавшиеся на радио на американский манер — скриптами. Которые затем транслировались в эфир для слушателей в Советском Союзе в рамках программы «Писатели у микрофона». Редактором-составителем её был Александр Перуанский (эфирный псевдоним — Александр Воронин), занимавший на радиостанции должность старшего редактора Русской службы, ответственного за культуру. Войнович вспоминал:

«Работа у Саши была, как говорится, не пыльная. По субботам мы приходили вместе в студию, Перуанский делал вступление: “У микрофона Александр Воронин. Сейчас перед вами выступит писатель Владимир Войнович. Пожалуйста, Владимир Николаевич”. Я читал. В середине передачи пауза, редактор включает свой микрофон: “Напоминаю, что у микрофона выступает писатель Владимир Войнович. Продолжайте, пожалуйста, Владимир Николаевич”. Я дочитывал, Перуанский выключал микрофон, закрывал студию, и мы вместе шли в кантину (столовую) пить пиво».

За десятиминутный скрипт (три с половиной странички машинописи через полуторный интервал) Войнович получал в свободовской бухгалтерии 400 немецких марок, что в месяц — четыре или пять скриптов, в зависимости от количества недель — давало ему от 1 600 до 2 000 марок. Перуанский же, будучи штатным сотрудником «Свободы» и имея один из высших грэйдов (профессиональных рангов), получал в месяц 16 000 дойчемарок. Войновичу такой расклад, разумеется, не нравился, но изменить в нём он ничего не мог. И именно тогда, по его позднему признанию, в полной мере осознал, что означает известная каждому немцу многозначительная фраза «Jedem das seine» («Каждому — своё»).

Радиоводевили и трагифарсы

Однако на «Свободе» свет клином, как говорится, не сошёлся. Зарубежных радиостанций, или «вражьих голосов» (как их полуиронично-полупрезрительно именовали в брежневско-андроповские времена по эту сторону «железного занавеса»), вещающих на русском языке, в то время было довольно много. Наиболее известными были русские службы «Голоса Америки», «Немецкой волны» и Британской радиовещательной корпорации, сокращённо Би-Би-Си.

С этой последней у Владимира Войновича также началось взаимовыгодное творческое сотрудничество. Выразившееся в том, что Войнович написал по заказу её дирекции две небольшие пьесы — водевиль «Фиктивный брак» и трагифарс «Трибунал». Обе были инсценированы силами сотрудников Русской службы Би-Би-Си и переданы в эфир: первая — в декабре 1981 года, вторая — три года спустя, в декабре 1984-го. Обе радиопостановки имели большой успех у слушателей, следствием которого стало получение Войновичем благодарственных писем от дирекции радиостанции и соответствующих гонорарных переводов, которые, как известно каждому человеку, зарабатывающему себе на жизнь посредством

выражения своих мыслей на бумаге или на экране компьютера, лишними никогда не бывают.

Текст водевиля Войнович впоследствии опубликовал в издававшемся в Нью-Йорке эмигрантском журнале Виктора Перельмана «Время и мы», а трагифарс был издан в виде книги — английским русскоязычным издательством «ОPI Ltd.».

Писатель без ипохондрии

Одной из любимейших мифологем советской пропаганды, ориентированной на внутреннее употребление, была установка на то, что деятели советского искусства и культуры могут плодотворно работать только у себя на родине. И что, лишившись возможности наслаждаться видом из окна на родимые осинки и берёзки и обонять аромат свежескошенной травы и свеженаваленной колхозной кобылой на середине просёлочной дороги кучи, советский творец начинает хиреть, увядать, талант его утекает, аки родниковая вода из пригоршней, и сам он впадает в меланхолию, ипохондрию, каталепсию и клептоманию. Ну и так далее — в расчёте на то, что потребляющие этот вздор дебилы, то есть токари, пекари, мотальщицы и прядильщицы, будут воспринимать всю эту галиматью на полном серьёзе. А члены Союза советских соцреалистических писателей, испытывающие недовольство от отсутствия в Советском Союзе свободы слова и наличия в нём свирепой идеологической цензуры, оказавшись по случаю на презренном Западе, двадцать раз подумают, прежде чем решатся обратиться к ближайшему полисмену с просьбой о предоставлении политубежища. А ежели кто этому не верит, то пусть вспомнит о том, как сложилась судьба Анатолия Кузнецова, который, став предателем, за десять лет, прожитых в «мире чистогана», не написал более ни одной книги, а только тем и занимался, что без устали клеветал по радио на свою Родину (с прописной) и её народ. А в итоге — помер, не дожив до пятидесяти, несомненно, от острой ностальгии и угрызений совести. Которой у него, впрочем, никогда не было, иначе бы не сбежал.

И ведь что интересно: находились писатели, и вполне себе неглупые, которые всей этой бодяге действительно верили. Владимир Войнович, разумеется, к их числу никоим образом не принадлежал. Напротив того — своим собственным примером опровергал право данной идиотской концепции на существование.

За восемь лет, прожитых им в вынужденной эмиграции, то есть за время, когда он, будучи человеком без гражданства, не имел возможности посетить страну, в которой родился, хотя бы в качестве туриста, Войнович опубликовал в иностранных русскоязычных издательствах шесть книг. Если не считать того, что две из них стали переизданием ранее уже издававшихся (подразумеваются два тома из трёхтомной эпопеи о приключениях солдата Ивана Чонкина), то и остающихся четырёх с лихвой хватит для того, чтобы наглядно доказать всю вздорность и несостоятельность ранее приведённых утверждений советской пропаганды.

Основным издательством для русскоязычных книг Войновича в 1980-е стал уже упоминавшийся профферовский «Ardis»: там между 1985-м и 1987 годами

были выпущены сначала сборник его избранной радиопублицистики под издательским названием «Антисоветский Советский Союз», затем переиздание двух томов «Чонкина» и, наконец, в 1987-м — сатирический роман-антиутопия «Москореп», который автор перед самым изданием решил переименовать и назвал иначе — «Москва 2042». Что оказалось решением совершенно правильным.

Публикация этого сочинения (которое многие поклонники творчества Войновича считают его Главной Книгой, на порядок превосходящей по значимости общеизвестного и всенародно любимого «Чонкина») вызвала в Русском Зарубежье сильнейший литературный скандал. Эхо которого звучало в ушах автора романа ещё многие годы, приводя к разнообразным последствиям, наиболее болезненными из которых стали нарушенные, а то и полностью распавшиеся отношения с людьми, которых Войнович считал своими близкими друзьями. Поскольку история «Москвы 2042» не является темой данного эссе, я не стану подробно останавливаться на рассказе об этом романе. История его достойна отдельного рассказа, и я непременно когда-нибудь его напишу — если, разумеется, этому намерению ничто не помешает.

Граница на замке

Между тем в середине 1980-х годов в силу, как принято выражаться в подобных случаях, неизбежного наступления обстоятельств непреодолимой силы, в Советском Союзе началось то, что вошло в историю этого навсегда ушедшего в историю (каламбур намеренный) государства под названием «горбачёвская Перестройка».

Владимир Войнович предвидел наступление Перестройки задолго до того, как она действительно началась. Когда, собираясь в вынужденную эмиграцию, он прощался с друзьями, то говорил им, что через пять, самое позднее — семь лет в Советском Союзе начнутся радикальные перемены, поскольку в то время к власти в стране придут новые люди. Которые будут, во-первых, гораздо моложе тех, что входят в Политбюро сейчас, а во-вторых, мыслить совершенно по-иному, нежели соображают частично уже выжившие из ума брежневско-андроповские старики. Слушая эти предсказания, друзья Войновича недоверчиво хмыкали и призывали его быть реалистом. «Кто придёт? Какие молодые?! — кипятился один из его ближайших приятелей, литературовед Бенедикт Сарнов. — Ты что — не видишь, они же вместо одних умерших геронтов набирают других, ещё более старых!» И приводил убойный, как ему представлялось, пример — что после отстранённого от дел вследствие полной недееспособности 76-летнего Алексея Косыгина Брежнев назначил на занимавшийся тем пост председателя Совета министров СССР такого же глубокого старика — 75-летнего Николая Тихонова, известного среди подельников по Политбюро под кличкой Валенок. Войновича, однако, такая аргументация не убеждала, и он от своего мнения отказываться не желал. С тем и отбыл из Москвы в Западную Германию.

После того как в течение следующих за его отъездом четырёх с небольшим лет из кремлёвских кабинетов в землю между кремлёвскими ёлочками и в ниши, выдолбленные в кладке кремлёвской же стены один за другим переместились товарищи Сулов, Брежнев, Пельше, Андропов, Устинов и Черненко, а на месте последнего оказался 55-летний (по тогдашним цеховским понятиям — «мальчишка») Михаил Горбачёв, — Войнович почувствовал, что его предсказания скоро начнут становиться реальностью. Об этом свидетельствовала просачивающаяся из-за стремительно ржавеющего «железного занавеса» информация, анализировать которую, пребывая с внешней его стороны, было намного легче, чем находясь внутри. Войнович вспоминал:

«Информации о Советском Союзе у меня за границей было больше, чем у советского человека. Я мог читать советские газеты в университетских библиотеках, но, кроме того, я читал американские и немножко немецкие. Я слушал радио и получал бюллетень новостей, который выпускало Радио “Свобода” — очень информативный, для внутреннего пользования. Я понимал, что в Советском Союзе начались серьёзные перемены, которые пойдут далеко, и они уже необратимы.»

Наблюдая за тем, что происходит в Москве, из баварской деревушки, Войнович испытывал всё возрастающее желание увидеть всё это собственными глазами, вдохнуть, как говорится, целебный воздух перемен. Но, увы — сделать этого он не мог: для таких, как он, граница Советского Союза по-прежнему оставалась на замке. Что было делать? Только надеяться на то, что пройдёт ещё какое-то время, и ситуация изменится в лучшую сторону. Войнович надеялся и терпеливо ждал. Скрашивая ожидание сочинительством иронических стихшков. Например, таких:

Эмигрантские мечтания¹

Иронический романс

Булату Окуджаве

Давненько я покинул
родимые края.
Занёс же на чужбину
какой-то чёрт меня.
Живу себе приватно
в селении Штокдорф.
А хочется обратно,
хотя бы в Штукенторф².

1 публикуется впервые

2 Stückentorf — кусок (брикет) торфа (нем.). Подразумевается железнодорожная станция Торфопродукт во Владимирской области. В ироническом, переносном значении: убогое захолустье, провинциальная дыра.

Обратно не пускают —
граница на замке.
Но призрачно мерцает
надежда вдалеке —
что родина однажды
грехи мои простит,
советские гражданство
и паспорт возвратит.

И тут же оседлаю
я белого коня.
Соседям пожелаю
жить дальше без меня.
Скажу им «До свиданья!»
и «Auf Wiedersehen!»
И в путь к отчизне дальней
отправлюсь поскорей.

Почти по всей Европе
проедусь налегке.
Откроется мне в Чопе
граница на замке.
А там уж под ногами —
родимая земля,
усыпана цветами
до самого Кремля.

И Спасские ворота
открыты... Словно встарь,
в палате Грановитой
я стану жить, как царь.
Продам коня и сбрую,
велосипед куплю,
перо своё зарюю,
талант свой утоплю...

Правительство родное,
ту жертву оценя,
тогда Звездой Героя
пожалует меня.
И именем державы,
от счастья кумачов,
куплеты Окуджавы
споёт мне Горбачёв.

Граница без замка

Колесо Истории между тем вертелось всё быстрее и быстрее. И настал наконец тот день, когда, спускаясь по самолётному трапу в московском аэропорту Шереметьево, Владимир Войнович вспоминал о том, как по точно такому же трапу поднимался. Одно движение от другого отделяло восемь лет и три месяца. Тогда, в декабре 1980-го, у него в кармане лежал советский заграничный паспорт сроком действия в один год. Теперь, в марте 1989-го, паспорт был гражданина Федеративной Республики Германия и бессрочный. В паспорте, только что полученном в соответствующем немецком департаменте, стояла трёхнедельная гостевая виза, выданная в советском посольстве в Бонне — в порядке исключения и в связи с изменениями во внутри- и внешнеполитической обстановке, как было торжественно сообщено Войновичу при её получении.

Как-то встретит его та самая родимая земля, которая в прошлогодних «Эмигрантских мечтаниях» представлялась ему усыпанной цветами аж до самого Кремля?

Родная земля встретила опального сатирика именно так, как ему того и следовало ожидать. Первым делом у Войновича украли часть багажа — чемодан, доверху забитый его заграничными книгами: «Чонкиным», «Москвой 2042» и «Антисоветским Советским Союзом». Произошло это во время прохождения таможенного досмотра в Шереметьево, когда из всех прибывших тем же рейсом пассажиров именно его подвергли шмону наиболее тщательному и придиричливому. Обнаружив, что после завершения этой малоприятной процедуры пропущенный таможней чемодан в буквальном смысле как в воду канул — или, если угодно, растворился в воздухе, — Войнович сразу понял, кто именно его украл. Понял он и то, что таким пошлым образом лубяньские дают ему понять, что они о нём ни на мгновение не забывали и забывать не собираются — как говорится, и не мечтайте, херр Войнович, не на тех напали. Вы теперь, конечно, иностранный подданный, так что вроде как к нам отношения не имеете, но для нас ваш немецкий паспорт — не более чем картонка с буквами и печатями, для нас вы как всегда были нашеньким, так им всегда и будете, пока не помрёте. Так-то, мил-человек. И не забывайте, как мы вам однажды прострелили все четыре колеса. Можем повторить. Если, конечно, прикажут.

Отвратительное впечатление, полученное Войновичем от первых минут пребывания на родной земле, постепенно стало вытесняться впечатлениями новыми, гораздо более симпатичными. За три недели, проведённые им в Советском Союзе, он помимо Москвы побывал также в Ленинграде и в Киеве. За эти дни он дал невероятное количество интервью и провёл множество так называемых «творческих встреч» — со своими читателями, поклонниками своего таланта и просто любопытствующими. Встречи проходили в залах, вмещавших по тысяче, полторы и больше зрителей — московские Дом культуры «Меридиан», Дом

литераторов, Дом кино, Дом учёных, Дом культуры авиационного института. Апогеем стало выступление автора «Чонкина» и «Москвы 2042» в ленинградском Большом концертном зале «Октябрьский» на Лиговке, зал которого вмещал пять тысяч зрителей и в котором не было ни единого свободного места. На каждой встрече Войновичу задавались десятки, а то и сотни вопросов — и в передаваемых из зала на сцену записках, и прямо из зала, — так что он едва поспевал на них отвечать. Отвечал он всегда то, что думал, в выражении эмоций себя никоим образом не сдерживал, так что под конец этого незапланированного изначально турне наговорил, по собственному позднему ироническому признанию, «лет на десять строго режима».

Происходивший ажиотаж стал прямым следствием того, что незадолго до приезда Владимир Войнович перестал считаться в Советском Союзе запрещённым писателем. С конца 1988 года в советской литературной и общественно-политической периодике начался вал его публикаций. Сначала в декабре 1988-го в выходившем в ту пору тиражом 1 770 000 копий журнале «Огонёк» был опубликован фрагмент из «Чонкина». Затем — практически одновременно — этот роман начал публиковать из номера в номер популярнейший журнал «Юность» (тираж — 3 100 000 копий). А к самому приезду его автора в Москву, то есть в марте 1989 года, журнал «Театр» опубликовал пьесу Войновича «Трибунал». И это было только начало.

Ментальный разрыв и его причины

День проходил за днём, вечер за вечером. Поклонники принимали Войновича «на ура». Власти делали вид, что ничего особенного не происходит. Словом, всё было так, как и должно было быть. Всё, да не всё. Как очень быстро выяснилось, рады приезду антисоветского сатирика оказались далеко не все. Войнович вспоминал:

«Меня не удивляла враждебность, проявлявшаяся ко мне генералами, чиновниками, газетами и литераторами определённого сорта и писателями-“деревенщиками”. Но и многие другие писатели и журналисты, казавшиеся мне людьми нашего лагеря, тоже отнеслись к моему возвращению с очевидным недоброжелательством. Анатолий Рыбаков не мог простить мне своей собственной подлости, когда он выступал в 1970 году против меня на секретариате (где Войновичу выписали «строгий выговор с последним предупреждением». — П. М.). Так или иначе пытались подмочить мою репутацию Евгений Евтушенко и Андрей Битов. Критикесса из “Литературной газеты” Алла Латынина написала лживую статью “Когда поднялся железный занавес...” — о том, что эмигранты не возвращаются, очевидно, не по политическим причинам (их уже нет), а по экономическим самого низкого сорта (привыкли к западной колбасе). И меня отнесла к представителям “колбасной” эмиграции, которые не желают возвращаться».

Справедливости ради следует указать, что помянутая Войновичем статья Латыниной (в которой та издевалась не только над автором «Москвы 2042», но и над такими знаковыми для советского диссидентского движения персонами, как писатель Владимир Буковский) была опубликована всё же не весной 1989 года, а летом 1991-го, то есть два с лишним года спустя. Однако по сути это ничего не меняет. Поскольку уподоблением себя представителям так называемой «колбасной эмиграции» (то есть советским местечковым евреям, заселившим в 1970–1980-е годы нью-йоркский район Брайтон-Бич) Войнович действительно был оскорблён до чрезвычайности и запомнил эту хамскую выходку советской критикессы навсегда.

Всё это, впрочем, было вполне ожидаемым. Гораздо менее ожидаемым — и, соответственно, более неприятным — стало для Войновича то, что от него отстранились многие люди, которых до вынужденной эмиграции он считал своими друзьями, вроде литературоведа Игоря Виноградова и критика Станислава Рассадина. А также — и это обеспокоило его сильнее всего — то, что за годы пребывания за пределами «страны развитого социализма» между ним и её обитателями образовалось то, что в психологии называется термином «ментальный разрыв». Войнович вспоминал:

«Разговаривая с советскими людьми, в том числе и с теми, кого я считал близкими друзьями, я иногда начинал чувствовать, что общаюсь с глухими, слепыми или сумасшедшими. Или сам я — глухой, слепой, сумасшедший. Меня очень часто спрашивали, почему я не возвращаюсь. Я задавал встречный вопрос: как они себе это представляют? Лишённый гражданства, как я могу вернуться? Кто меня сюда пустит? Лишённый жилья, где я буду жить? Люди это выслушивали и спрашивали: “Но почему вы не хотите вернуться?” Я терялся, не зная, как на это реагировать: вроде бы говорим на одном языке, а они меня не понимают».

Причём иной раз ровно то же происходило и тогда, когда Войнович беседовал с теми, с кем в прежней, доэмигрантской жизни у него было полное взаимопонимание:

«Лидии Корнеевне Чуковской и её дочери Люше я целый вечер объяснял, что вернусь, как только мне вернут гражданство и жильё. После чего Лидия Корнеевна подумала и сказала:

— Как жаль, что вы не хотите вернуться! Это же очень важно, чтобы остались какие-то свои люди. Которые могли бы, когда нужно, хотя бы в аптеку сбегать.

Люша сначала не понимала, почему я не возвращаюсь, потом не понимала, что за проблемы у меня могут быть с жильём. Ведь квартиру очень просто купить за доллары. За доллары у нас можно купить всё. Есть ли у меня эти доллары, она не спрашивала, предполагала, видимо, что есть и в неограниченных количествах».

С матерью и дочерью Чуковскими Войновичу незадолго перед этой встречей привелось вступить в серьёзный эпистолярный конфликт. Произошло это после того, как те, прочитав роман «Москва 2042», подвергли его автора суровой критике — за то, что в пародийном образе писателя-диссидента Сим Симыча Карнавалова Войнович вывел лауреата Нобелевской премии по литературе Александра Исаевича Солженицына. Солженицына Лидия и Елена Чуковские едва ли не обожествляли, считая его не только выдающимся писателем, но и человеком, наделённым массой нравственных достоинств. А посему восприняли то, что учинил Войнович, как натуральное глумление и святотатство, о чём не преминули ему сообщить путём взаимной переписки. Войнович такой реакцией своих многолетних друзей был изрядно уязвлён и раздосадован, и отношения между ним и Чуковскими заметно охладели. Из этого конфликта, по-видимому, и пошли истоки той странной реакции Лидии Корнеевны и Елены Цезаревны на слова Владимира Николаевича при их первой после многолетнего перерыва встрече в перестроечной Москве.

Главным же следствием трёхнедельного визита Владимира Войновича в Советский Союз весной 1989 года стало то, что вскоре после его отъезда обратно в Западную Германию, в мае того же года на Лубянке на него было заведено новое дело оперативной разработки — взамен прежнего, отправленного после его эмиграции в архив.

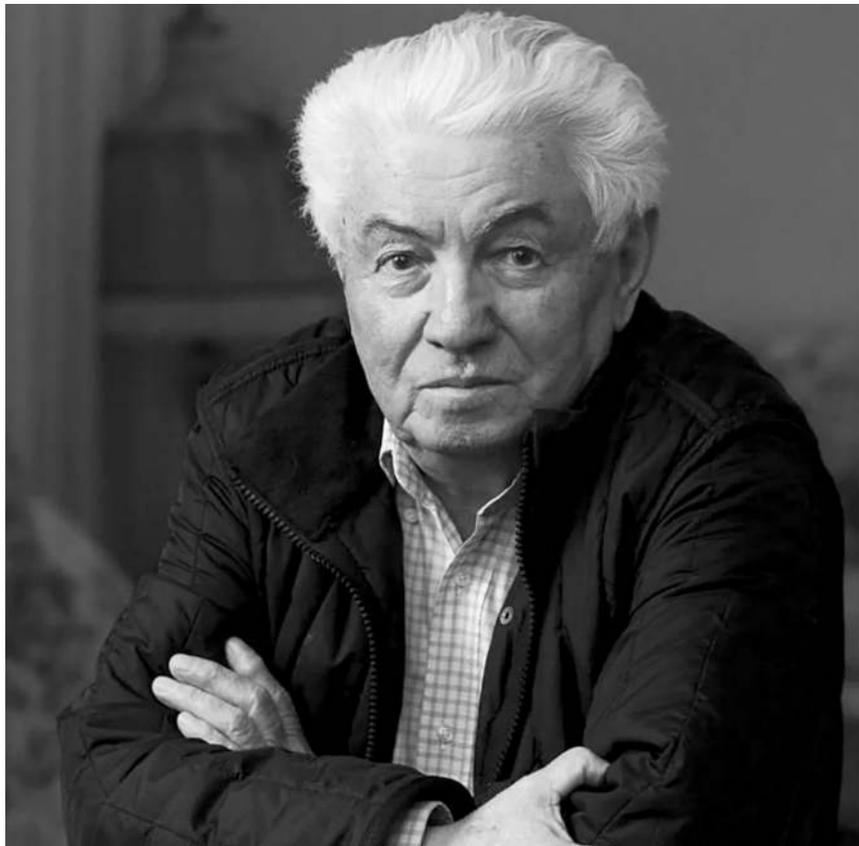
Контора действовала по раз и навсегда заведённому правилу — собирать и накапливать «компромат» на каждого сколько-нибудь серьёзного врага обслуживаемого ею режима. Авось, и стодится когда-нибудь.

Возвращение гражданства

С сентября 1989 года Владимир Войнович снова жил и работал в Соединённых Штатах Америки. Находясь за океаном, он продолжал пристально следить за тем, что происходит у него на родине, с каждым днём всё более укрепляясь в мысли, что советскому тоталитарному режиму приходит конец.

Режим действительно агонизировал. То, что Советская империя обречена, было уже совершенно ясно. Неясно было лишь одно — как скоро произойдёт её крах и распад. И насколько большим кровопролитием он будет сопровождаться.

Первого августа 1990 года из Москвы пришло сообщение об упразднении предварительной идеологической цензуры. Тем самым сбылась мечта огромного числа подсоветских литераторов, ставших жертвами этого ужасного спрута, безжалостно душившего их своими щупальцами в течение многих десятилетий. Отныне можно было публиковать и издавать всё, что угодно, за исключением весьма ограниченного перечня сведений, составляющих государственную тайну. На которые литераторы никогда и не покушались.

Узнав о ликвидации цензуры, Войнович испытал чувство глубокого удовлетворения. Как оказалось, для данного чувства совсем скоро появится ещё один повод.

Две недели спустя, 15 августа 1990 года, в Москве был обнародован Указ Президента СССР Михаила Горбачёва № 568 — «Об отмене Указов Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР некоторых лиц, проживающих вне пределов СССР».

В соответствии с тремя содержащимися в нём пунктами объявлялись утратившими силу Указы ПВС СССР о лишении гражданства, принятые в 1966–1988 годах в отношении ряда проживавших за границей «лишенцев». Министерству иностранных дел СССР поручалось «довести содержание настоящего Указа до сведения лиц, находящихся вне пределов СССР, в отношении которых отменены ранее принятые Указы Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР, и обеспечить, по их желанию, выдачу паспортов граждан СССР».

К Указу № 568 прилагался список из 21 соответствующего указа, касающегося 23 человек, которые были принудительно лишены гражданства в период с февраля 1966-го по июнь 1988 года.

Большую их часть — двенадцать из двадцати трёх — составляли литераторы и члены их семей. (Остальная состояла из физиков, художников и деятелей религиозного возрождения. Был также и один шахматист. Этого не избежать.) Одним из этих двенадцати значился Войнович Владимир Николаевич, 1932 года рождения, уроженец города Душанбе, лишённый гражданства СССР Указом ПВС СССР от 16 июня 1981 года за подписью Леонида Брежнева.

Как только новость о появлении данного указа достигла берегов Потомака, Владимиру Войновичу позвонил его друг, американский литературовед и переводчик Джон Глэд, и поинтересовался — как тот может прокомментировать изменение своего статуса? Войнович со свойственным ему прагматизмом заметил, что лично ему одного факта восстановления в гражданстве совершенно недостаточно:

«Что значит — “восстановили гражданство”? Мне нужно не только гражданство, но и гражданские права. Кем я вернусь, в качестве кого и куда? Я был разорён. У меня там нет даже крыши над головой. Должны быть созданы реальные условия для возвращения. Тогда я вернусь».

То есть, по сути сказанного, повторил ровно то же, что многократно говорил своим знакомым, друзьям и посетителям своих творческих вечеров во время первого приезда в Советский Союз двумя годами ранее.

Кстати сказать, многие другие литераторы из числа «лишенцев», которым советское гражданство было возвращено тем же самым горбачёвским указом, — например, Георгий Владимов, — отнеслись к этому факту точно так же, как отнёсся к нему Войнович. И это была единственно возможная и совершенно правильная реакция. Поскольку нет ничего проще, нежели заявить — мы вас лишили родины, отобрали у вас дом, на протяжении долгих лет над вами издевались, поливая помоями и всё такое прочее; но теперь мы изменились, пересмотрели своё неправильное поведение и считаем, что была совершена ошибка, так что возвращайтесь и живите где хотите и как хотите, мы вас больше обижать и выгонять не будем. Гораздо труднее принести не одни только формальные извинения, но и компенсировать причинённый моральный и материальный ущерб. Это обстоятельство отечественные власти отчего-то никогда во внимание не принимали и не принимают — вне зависимости от того, какая именно империя царит на дворе: Российская, Советская или воровская.

Эпилог

В январе 2018 года мы с Владимиром Войновичем обменялись новогодними поздравлениями. Никто в тот момент ещё, разумеется, не знал, что только что наступивший год станет последним в земной жизни этого прекрасного россий-

ского писателя. Равно как никто не мог знать и о том, какие страшные испытания предстоит перенести Владимиру Николаевичу в последние месяцы, перед тем как покинуть этот мир с чувством полностью выполненного предназначения.

Мои пожелания были самыми что ни на есть банальными и традиционными — доброго здоровья, здоровья и ещё раз здоровья. Пожелания Войновича заключались в рекомендации не терять присутствия духа и не поддаваться чувству отчаяния, как бы ни было тяжело на душе от осознания вокруг происходящего. Письмо его завершалось следующим пассажем: «Имейте в виду: через пять, самое позднее шесть лет в России начнётся новая перестройка. Она обязательно начнётся просто потому, что иначе не может быть».

Поскольку наша переписка изначально имела сугубо иронический характер, я ответил на это уверение в том смысле, что я — не Бен Сарнов, так что не собираюсь его ни призывать к практическому взгляду на окружающую реальность, ни тем паче в его мнении переубеждать. Однако с названным им сроком — пять, максимум шесть лет до начала радикальных перемен — согласиться, увы, никак не могу. Поскольку всё это продлится, как мне представляется, увы, гораздо дольше.

В следующем письме был вопрос: «А сколько же, по-вашему, пройдёт до этого лет?»

Я ответил, что — лет семь-восемь, причём это минимум, а вероятнее всего, и того больше.

После непродолжительной паузы в почтовом ящике объявилось новое письмо от Войновича. Открыв его, я прочитал: «Хорошо, давайте так. Ваши семь-восемь лет, мои пять-шесть. Складываем вместе и делим на два. Сколько получается?»

Получилось — шесть или семь, в зависимости от того, как складывать. На чём мы и сошлись.

Признаюсь: в тот момент я считал, что это среднее арифметическое всё же гораздо менее реалистично, чем может показаться, если смотреть на него глазами Войновича из 1980 года. И что прав я, а Войнович заблуждается. Теперь, по прошествии четырёх с половиной лет, мне представляется, что прав был всё же Войнович, а я заблуждался. И это ощущение крепнет с каждым днём.

Фотографии взяты из Интернета

Павел Матвеев — редактор рубрики *Exegi Monumentum* в журнале «Этажи», литературовед, эссеист, публицист. Сферой его интересов является деятельность советской цензуры эпохи СССР, история преследования тайной политической полицией коммунистического режима советских писателей, литература Русского Зарубежья периода 1920–1980-х годов. Эссеистика и литературоведческие статьи публиковались в журналах «Время и место» (Нью-Йорк), «Новая Польша» (Варшава), «Русское слово» (Прага), «Знамя» (Москва), а также в интернет-изданиях. Как редактор сотрудничает со многими литераторами, проживающими как в России, так и за её пределами — в странах Западной Европы, Соединённых Штатах Америки и в Израиле. Автор книги о писателе Анатолии Кузнецове «И ад следовал за ним. Жизнь и судьба Анатолия Кузнецова» (Киев, 2021). Лауреат премии журнала «Этажи» 2020 года за лучшее эссе.